

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЕ
КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ
В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ**

Коллективная монография

Санкт-Петербург
2021

DOI 10.53115/9785001881148

УДК 341.01

ББК 67.0, 67.9

Рецензенты:

Пашенцев Дмитрий Алексеевич, заведующий кафедрой государственного права, общеправовых и социально-гуманитарных дисциплин Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор Московского городского педагогического университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Алексеева Наталья Ивановна, кандидат юридических наук, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург).

*Коллективная монография подготовлена при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-011-00770
«Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов
в праве: теоретическое и историко-правовое измерения».*

Э94

Эффективность международно-правового регулирования и преодоление кризисных явлений в международном праве : коллективная монография / Под ред. В.Ю. Сморгуновой, А.А. Дорской. – СПб.: Астерион, 2021. – 274 с. – DOI 10.53115/9785001881148

ISBN 978–5–00188–114–8

Монография посвящена исследованию различных аспектов эффективности международно-правового регулирования, а также проблеме преодоления кризисных явлений в международном праве. Рассмотрены вопросы эффективности реализации международно-правовых норм, а также международные механизмы восстановления нарушенных прав. Для специалистов по теории и истории права и государства, истории политических и правовых учений, международному праву, юристов-отраслевиков, студентов юридических факультетов, а также всех, кто интересуется дискуссионными вопросами современной юриспруденции.

ISBN 978–5–00188–114–8

© Коллектив авторов, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 6

Глава I. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

- § 1. Проблема эффективности правового регулирования
в политико-правовой мысли (В.Ю. Сморгунова) 8
- § 2. Механизм правового регулирования (Г.Г. Бернацкий) 11
- § 3. Правовое регулирование и измерение его эффективности
в постклассической парадигме (И.Л. Честнов) 20
- § 4. Обычно-правовое регулирование как фактор стабильности
в сфере наднациональной коммуникации (*И.Б. Ломакина*) 25
- § 5. Преодоление иррационального в праве: ведовские процессы
в Испании (Е.Ю. Калинина) 36
- § 6. Конституционно-правовое регулирование: французский опыт
последней трети XIX века по преодолению кризисов в праве
(С.В. Бочкарев) 48
- § 7. Правовое регулирование государственной службы в Российской
империи: поиск эффективной модели
(*Е.Д. Проценко, С.Е. Байкеева*) 53
- § 8. Роль статуса государственных служащих образовательных
учреждений в модели государственной службы
Российской империи XIX века (*Т.И. Еремина*) 64
- § 9. Формирование правового института чрезвычайного положения
в Российской империи в начале XX века (*М.Р. Богатырев*) 73
- § 10. Правотворческая деятельность органов советского государства
в годы Гражданской войны: постановка проблемы
(*С.-М.Р. Симбагаев*) 80

Глава II. ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖДУНАРОДНО- ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

- § 1. Эффективность правового регулирования как объект
исследования российских юристов-международников
XIX – начала XXI вв. (*А.А. Дорская*) 87
- § 2. Причины кризиса в международном праве:
многообразие взглядов (*Игнатьева М.В.*) 96

§ 3.	Проблема определения критериев эффективности международно-правового регулирования (<i>З.Ш. Матчанова</i>)	101
§ 4.	О некоторых политико-правых аспектах дискуссии об использовании автономных (роботизированных) систем вооружения (<i>С.В. Коростелев</i>)	107
§ 5.	Современное содержание понятия «военное преступление» в национальном и международном праве (<i>И.А. Орлова</i>)	116
§ 6.	Проблемы повышения эффективности деятельности международных организаций (<i>С.В. Глотова</i>)	124
§ 7.	Влияние международно-правовых институтов ООН на состояние борьбы с преступностью в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (<i>С.В. Белоусов</i>)	128
§ 8.	Международно-правовые акты в сфере противодействия коррупции и их значение в деятельности правоохранительных органов России (<i>А.В. Шахматов, А.А. Пальцев</i>)	134
§ 9.	Статус судьи в системе международного правосудия (<i>И.В. Ботанцов</i>)	144

Глава III. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

§ 1.	Имплементация норм международного права как способ развития права и повышения эффективности правового регулирования: историко-теоретический анализ (<i>Е.С. Третьякова</i>)	149
§ 2.	К вопросу о преодолении кризисных явлений в региональном водном праве Центральной Азии (<i>Ф.Н. Джабборов</i>)	157
§ 3.	Проблемы и перспективы формирования правового государства в Российской Федерации в условиях кризиса системы международного права (<i>В.Д. Резван</i>)	163
§ 4.	Формирование модели антикризисного правового регулирования в условиях пандемии COVID-19 (<i>Т.В. Шатковская</i>)	174
§ 5.	К вопросу соответствия понятия оперативно-розыскного мероприятия государств-участников СНГ Модельному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (<i>А.В. Шахматов, А.М. Карл</i>)	189

- § 6. Проблемы эффективности разрешения частноправовых споров, осложнённых иностранным элементом (*В.А. Косовская*) 195
- § 7. Наследственные отношения международного характера: проблемы эффективности правового регулирования в свете новелл российского законодательства (*А.В. Алешина*) 199

Глава IV. МЕЖДУНАРОДНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРУШЕННЫХ ПРАВ

- § 1. Восстановление права как проблема постклассической теории права (*И.Л. Честнов*) 206
- § 2. Значение установления ущерба при призвании к международно-правовой ответственности потерпевшим государством (*Ю.В. Щёкин*) 211
- § 3. Эффективность реализации норм в области защиты прав человека (*М.В. Игнатьева*) 221
- § 4. Полемика вокруг статуса решений Комитетов ООН, принимаемых в целях восстановления и защиты нарушенных прав граждан Казахстана и России (*М.А. Сарсембаев*) 225
- § 5. Механизмы защиты конституционных прав в Эстонской Республике (*А.И. Светлов*) 241
- Литература** 248
- Авторский коллектив** 270

§ 5. Современное содержание понятия «военное преступление» в национальном и международном праве²⁵⁸

Термин «военные преступления» является собирательным понятием. Он присутствует в текстах международных договоров и нормах национального законодательства многих государств.

Эволюция данного понятия связана с несколькими векторами развития правового регулирования:

- с изменением понятия войны и возникновением новых видов конфликтов и ситуаций, связанных с применением силы;
- с появлением новых субъектов, которые могут применять вооруженную силу, в том числе новые средства и методы ведения военных действий;
- с изменением объектов применения силы;
- с юрисдикционными вопросами, возникающими при привлечении к ответственности лиц, совершивших военные преступления.

Безусловно, важнейшими международными договорами, регламентирующими как отношения государств во время войны, так и поведение воюющих сторон, стали конвенции, принятые на I и II Гаагских конференциях мира в 1899 и 1907 гг. Они в значительной степени явились кодификацией норм международного обычного права, и в них уже текстуально были определены и закреплены в письменной форме обязательства государств, которые должны выполняться во время военных действий.

Многочисленные нарушения положений принятых международных договоров во время Первой мировой войны поставили перед государствами вопрос о привлечении к ответственности виновных.

IV Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. возлагала на государство ответственность за действия, совершенные «лицами, входящими в состав ее военных сил» и обязывала его возместить убытки.

В правовой литературе можно встретить мнение, что именно «кодификация на международно-правовом уровне законов (норм) и обычаев войны в Гаагских конвенциях и Декларации 1899 и 1907 гг. привела к формированию такого международно-правового понятия как «военное преступление»²⁵⁹.

²⁵⁸ Данный параграф подготовлен И.А. Орловой при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00156 А «Легитимация вмешательства во внутренние вооруженные конфликты (международные правовые аспекты)».

²⁵⁹ Волеводз А.Г. Исторические и международно-правовые предпосылки формирования современной системы международной уголовной юстиции // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2008. – №2. – С. 2-9.

Категория «военные преступления» понималась как нарушения законов и обычаев войны. Согласно ст. 228 Мирного договора между Союзными и Объединившимися Державами и Германией (Версальский договор) от 28.06.1919 г. лица, обвиняемые «в совершении действий противных законам и обычаям войны» должны быть привлечены к военным судам Союзных государств; также военным судам должны быть переданы лица, совершившие действия против граждан одной Союзных и Объединившихся государств. Лица, совершившие преступления против граждан нескольких Союзных и Объединившихся держав (т.е. не ограниченные определенной территорией ведения военных действий) должны были быть переданы смешанным судам («военным судам, состоящим из членов, принадлежащих к военным судам заинтересованных держав») (ст. 229).

Кайзер Германии Вильгельм II Гогенцоллерн, который был обвинен «в высшем оскорблении международной морали», должен был предстать перед международным трибуналом (Специальным судом).

Перечень нарушений законов и обычаев войны был представлен Комиссией об ответственности виновников войны и применении наказаний (1919 г.).

Еще более значительными и серьезными были нарушения международного права во время Второй мировой войны. Заявления государств о наказании за преступления, совершаемые во время войны фашистской Германией и ее союзниками (13 января 1942 г.)²⁶⁰, об ответственности гитлеровцев за совершенные злодеяния (30 октября 1943 г.)²⁶¹ содержали намерения привлечь к ответственности лиц, совершивших преступления во время войны.

На Нюрнбергском процессе использовались термины «преступники войны» и «военные преступники». Термин «военный преступник» был включен в название международных документов – Соглашения между Правительством Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Временным Правительством Французской Республики о судебном преследовании и наказании главных военных пре-

²⁶⁰ Декларация о наказании за преступления, совершенные во время войны фашистской Германией и ее союзниками (13 января 1942 г.) // АВП СССР. Оpubл. в: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. М., 1946, Т. 1, – С. 319– 320.

²⁶¹ Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства (30 октября 1943 г.) // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной Войны. Документы и материалы. Т. 1 // ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. – 1944. – С. 363– 364.

ступников европейских стран оси (8 августа 1945 г.) и Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (8 августа 1945 г.). Юрисдикции Трибунала подлежали преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности.

Военные преступления понимались как нарушения законов и обычаев войны. В Устав включен перечень деяний, определяемых как военные преступления, который не является исчерпывающим.

Франсуа де Ментон, Главный обвинитель от Франции на Нюрнбергском процессе, заявлял: «Определение понятия «военное преступление» было подготовлено основателями международного права, в частности Гроцием, который подчеркнул преступный характер действий, не вызванных военной необходимостью. Позднее Гаагские конвенции установили впервые элементарные нормы правил ведения войны. Они определили порядок ведения военных действий и методы оккупации. В них сформулированы правила в целях ограничения применения силы и в целях согласования военной необходимости с требованиями человеческой совести. Так военное преступление впервые было определено, и в свете этого определения военные преступления и следует рассматривать; преступления стали нарушением правил и обычаев ведения войны, узаконенных Гаагской конвенцией»²⁶².

С момента подписания Устава МВТ термин «военные преступления» был включен в другие международно-правовые акты.

В качестве примера можно привести Закон № 10 Контрольного Совета Германии, Устав Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока.

В статье 5 Устава Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока²⁶³, определяющей юрисдикцию Трибунала, содержится следующая формулировка: «военные преступления, предусмотренные конвенциями, а именно: преступления против законов и обычаев войны». Возможно, данная формулировка, не самая удачная, поскольку военные преступления ограничены лишь конвенционными нормами и не включают (в данном случае) нормы международного обычного права. Однако отсылку к международному обычаю можно найти в оговорке Мартенса, включенной в Гаагскую конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г.

²⁶² Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том IV / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко, 2018. — (Первопубликация). — С. 421.

²⁶³ Устав Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока от 19 января 1946 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Выпуск XII. М., 1956.

Принятые 12 августа 1949 г. четыре Женевские конвенции (т.н. конвенции о защите жертв войны) расширили сферу применения норм, относящихся к защите покровительствуемых лиц. Согласно ст. 2, общей для всех Женевских конвенций 1949 г., нормы данных договоров применяются «в случае объявленной войны или всякого другого вооруженного конфликта», которые возникают между государствами (регулирование конфликтов, стороной которых были иные субъекты международного права носило, по-прежнему, обычный характер, а поведение сторон во время внутренних конфликтов регулировалось ст. 3, также общей для всех Женевских конвенций).

Под военными преступлениями стали понимать «серьезные нарушения» Женевских конвенций.

Одним из наиболее значимых международных договоров, регламентирующих ответственность за военные преступления, стала Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 г. В преамбуле Конвенции отмечается, что «в соответствии с международным правом военные преступления и преступления против человечества относятся к самым тяжким преступлениям». Пункт а) статьи I закрепляет положение о неприменении срока давности и распространяет его на «военные преступления, как они определяются в Уставе Международного нюрнбергского военного трибунала от 8 августа 1945 г. и подтверждаются резолюциями 3 (I) от 13 февраля 1946 г. и 95 (I) от 11 декабря 1946 г. Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, а также, в частности, «серьезные нарушения», перечисленные в Женевских конвенциях о защите жертв войны от 12 августа 1949 г.».

Вторая половина XX в. характеризовалась возрастанием числа внутренних вооруженных конфликтов, что вызвало необходимость изменения правового регулирования, и в 1977 г. были приняты Дополнительные протоколы к Женевским конвенциям 1949 г., которые были рассчитаны на применение в случае международных вооруженных конфликтов (Дополнительный протокол I) и вооруженных конфликтов немеждународного характера (Дополнительный протокол II).

Термин «военные преступления» в конце XX в. стал связываться уже не только с «серьезными нарушениями Женевских конвенций», но в целом с «нарушением норм международного гуманитарного права».

В статутах юрисдикционных органов можно встретить различные формулировки:

- «серьезные нарушения Женевских конвенций» (в Уставе Международного Трибунала по Бывшей Югославии)

- «нарушения статьи 3, общей для Женевских конвенций и Дополнительного протокола II» (в Уставе Трибунала по Руанде),
- «серьезные нарушения международного гуманитарного права (в Уставе Специального суда по Сьерра-Леоне),
- «военные преступления» (в Статуте Международного уголовного суда).

Согласно Статуту МУС, военные преступления относятся к самым серьезным преступлениям, вызывающим озабоченность всего международного сообщества и означают:

- серьезные нарушения Женевских конвенций от 12 августа 1949 года;
- серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в международных вооруженных конфликтах в установленных рамках международного права;
- в случае вооруженного конфликта немеждународного характера серьезные нарушения статьи 3, общей для четырех Женевских конвенций от 12 августа 1949 года;
- другие серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в вооруженных конфликтах немеждународного характера в установленных рамках международного права.

Римский Статут Международного уголовного суда содержит большой перечень деяний, которые относятся к военным преступлениям.

Становясь участниками Женевских конвенций, государства взяли на себя обязательство криминализовать серьезные нарушения конвенций в своем законодательстве. Однако не все из них криминализованы в национальном законодательстве государств.

В национальном уголовном законодательстве применяется различная терминология. Так, ряд государств использует в уголовном законодательстве непосредственно термин «военное преступление» (Республика Беларусь, ФРГ, Эстония, Литва и др.). Другие государства (в том числе, Российская Федерация) не применяют данный термин.

На практике в законодательстве государства криминализирован разный объем деяний, которые квалифицируются как преступления, а также предусмотрена различная мера наказания за деяния одного вида.

Степанов П.П. отмечает, что «перечни военных преступлений, предусмотренные различными источниками международного права, ..., не ограничивают возможности государств определить иные нарушения международного гуманитарного права как военные пре-

ступления в своем национальном законодательстве. Таким образом, не все военные преступления являются международными»²⁶⁴.

В то же время стоит обратить внимание на позицию Европейского суда по правам человека: «в случаях, когда национальное законодательство не предусматривало конкретных признаков военного преступления, национальный суд мог положить в основу своей мотивировки нормы международного права, не нарушая при этом принципы «нет преступления без предусматривающего его закона» [*nullum crimen sin elege*] и «нет наказания без предусматривающего его закона» [*nulla poena sine lege*]]»²⁶⁵.

Можно согласиться с тем, что «для современной российской и зарубежной доктрины характерно принципиально схожее понимание термина «военное преступление» в международном уголовном праве. Произошел отказ от ранее предложенного понимания военного преступления как нарушения «законов и обычаев войны». В настоящее время понимание военного преступления связано с серьезным нарушением норм международного гуманитарного права, связанного с идущим вооруженным конфликтом, за которое установлена уголовная ответственность»²⁶⁶.

В то же время толкование термина «военное преступление» в различных государствах не всегда совпадает. Кроме того, национальное толкование термина «военное преступление» может отличаться от международного толкования.

Так, Римский Статут Международного уголовного суда к военным преступлениям относит такие, которые совершаются во время вооруженных конфликтов (международных и немеждународного характера).

Стоит обратить внимание на Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь, представленный на одном из Интернет-порталов: «Военные преступления – это деяния, которые по своему содержанию представляют серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные в ходе вооруженных кон-

²⁶⁴ Степанов П.П. К вопросу о понятии военных преступлений в международном уголовном праве и национальном законодательстве // Вестник Московского Университета. Серия. 11. Право. – 2016. – № 6. – С. 132-143.

²⁶⁵ Европейский Суд по правам человека. Большая палата. Дело «Кононов против Латвии» [Kononov v. Latvia] (Жалоба– №36376/04) Постановление г. Страсбург 17 мая 2010 г. // https://europeancourt.ru/uploads/ECHR_Kononov vLatvia17052010.pdf (Дата обращения: 9.12.2020 г.).

²⁶⁶ Троицкий Н. С. Современное доктринальное понимание термина "военные преступления" / Н.С. Троицкий // Гуманитарные и юридические исследования. – 2020.– № 1. – С. 137.

фликтов любого характера.²⁶⁷ В данном определении обратим внимание на слово «любой». Традиционно в международном гуманитарном праве выделяют два вида конфликтов – международный и немеждународного характера.

Однако в национальном праве государств используются и иные формулировки. В законах и государственных доктринальных актах довольно часто встречается термин «внутренний вооруженный конфликт», причем он может как отождествляться с вооруженным конфликтом немеждународного характера²⁶⁸, так и не раскрываться через категорию «вооруженный конфликт немеждународного характера»²⁶⁹.

Статья 356 Уголовного кодекса Российской Федерации «Применение запрещенных средств и методов ведения войны» определяет ответственность за следующие деяния: «Жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, депортация гражданского населения, разграбление национального имущества на оккупированной территории, **применение в вооруженном конфликте** (выделено автором – И.О.) средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации», а также «применение оружия массового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации».

Кроме того, Статья 63 Уголовного кодекса Российской Федерации совершение преступления в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках, **в условиях вооруженного конфликта или военных действий** (выделено автором – И.О.) относит к обстоятельствам, отягчающим наказание.

В указанных статьях не определяется, на какие виды вооруженных конфликтов распространяются нормы. Общее понятие «вооруженный конфликт» дает возможность его широкого толкования.

С запрещением войны в качестве средства национальной политики и выведении ее из правового поля, в политических отношениях и политико-правовой дискуссии основное внимание стало уделяться категории «вооруженный конфликт», определению их видов и критериев. Война

²⁶⁷ <https://bypravo.ru/postatejnyj-kommentarij-k-ugolovnomu-kodeksu-respubliki-belarus-osobennaya-chast-razdel-vi-prestupleniya-protiv-mira-bezopasnosti-chelovechestva-i-voennye-prestupleniya-glava-18-voennye-prestuple/>

²⁶⁸ Наставление по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации. Приказ Министра обороны РФ от 08.08.2001 N 360 «О мерах по соблюдению норм международного гуманитарного права в Вооруженных Силах Российской Федерации». Документ опубликован не был. // Правовая база КонсультантПлюс.

²⁶⁹ Военная доктрина Российской Федерации (утверждена Президентом РФ 25.12.2014 N Пр-2976) // Российская газета. 30 декабря 2014.

представляла собой особое состояние государств, характеризовалась определенными признаками и влекла политико-правовые последствия не только для воюющего государства, но и для других государств. Введение в правовой оборот категории «вооруженный конфликт» позволило государствам не учитывать ряд необходимых требований, предъявляемых к воюющему государству и нейтральным державам. В то же время в современных отношениях и понятие «вооруженный конфликт» требует нового осмысления.

Представляется, что необходимо рассматривать военные преступления уже не только в привычном контексте в связи с вооруженными конфликтами, но и в случае фактического применения вооруженной силы, независимо от квалификации вооруженного конфликта.

В настоящее время можно выделить несколько типов ситуаций, связанных с применением вооруженной силы:

- международные вооруженные конфликты;
- миротворческие операции (действия международных организаций по восстановлению и поддержанию международного мира и безопасности);
- действия международных организаций по принуждению к миру;
- гуманитарные интервенции, проводимые государствами самостоятельно;
- внутренние вооруженные конфликты;
- интернационализированные внутренние вооруженные конфликты;
- действия по наведению конституционного порядка;
- крупномасштабная антитеррористическая операция и др.

Всякое нарушение основополагающих принципов международного гуманитарного права и основных стандартов в защиты прав человека при применении средств и методов ведения военных действий должно рассматриваться как военное преступление независимо от того, как политически определяется ситуация вооруженного насилия.

В отношении изменения видов субъектов, потенциально способных совершить военные преступления, стоит отметить следующее. До начала XX в. такими субъектами были лица из состава вооруженных сил, и нормы о ведении войны были рассчитаны на сражающихся. Так, в кодексе Либера под военными преступлениями («*military offenses*») понимались действия американских солдат, нарушающие законы и обычаи войны²⁷⁰.

Однако в ходе современных конфликтов подобные действия могут быть осуществлены иными субъектами, в том числе не входящими в во-

²⁷⁰General Orders No. 100: The Lieber Code Instructions for The Government of Armies of the United States in the Field // [https://Avalon.Law.Yale.Edu/19th Century/Lieber.Asp](https://Avalon.Law.Yale.Edu/19th%20Century/Lieber.Asp)

оруженные силы государств. Европейский суд по правам человека отмечает, что требуется непосредственная связь между предполагаемым преступлением и международным вооружённым конфликтом; другими словами, было необходимо, чтобы предполагаемое преступление было направлено на достижение военных целей²⁷¹.

Проблема выявления связи деяния лица с достижением военных целей в случае вооруженного применения силы требует всестороннего анализа и исследования.

Эффективность правового регулирования зависит, помимо прочего, от единообразного понимания правовых категорий, их унифицированной международно-правовой регламентации и адекватной имплементации норм международного права.

§ 6. Проблемы повышения эффективности деятельности международных организаций

Одной из тенденций развития международных организаций является усложнение и реформирование их организационной структуры. Этот процесс включает главным образом создание новых органов и модификацию процедуры голосования. В то же время происходит расширение предметной компетенции организаций, в том числе за счет сфер, которые раньше считались относящимися к внутренней компетенции государств. Все эти тенденции, несомненно, способствуют усилению роли международных организаций в решении новых вызовов и угроз, опасных для всего человечества и отдельного индивида.

Е.А. Шибаевой разработана комплексная теория организационно-правового механизма международной организации (или внутриорганизационного механизма), которые шире понятия внутренней структуры. В учебном пособии «Правовые вопросы структуры и деятельности международных организаций» она определяет «соответствующую организационную структуру» как один из признаков международной организации²⁷², в монографии «Право международных организаций» подчеркивает важность наличия органов, формирующих волю²⁷³ организации и посвящает

²⁷¹ Европейский Суд по правам человека. Большая палата. Дело «Кононов против Латвии» [Kononov v.Latvia] (Жалоба– №36376/04) Постановление г. Страсбург 17 мая 2010 г.// [https://europeancourt.ru/uploads/ECHR_Kononov v_Latvia 17_05 2010. pdf](https://europeancourt.ru/uploads/ECHR_Kononov_v_Latvia_17_05_2010.pdf) (Дата обращения: 9.12.2020 г.).

²⁷² Шибаева Е.А., Поточный М. Правовые вопросы структуры и деятельности международных организаций: Учеб.пособие. М., 1988. – С. 18-19.

²⁷³ Шибаева Е.А. Право международных организаций. М., 1986. – С. 26.